

Тропкина Лариса Александровна — директор, Лицей № 5 имени Ю. А. Гагарина, 400005, Россия, Волгоград, ул. Мира, 17

Information about the authors

Raisa M. Petruneva, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of History, Culture, and Sociology, Volgograd State Technical University, 28, Lenin Ave, Volgograd, 400005, Russian Federation

Nadezhda A. Ovchar, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of History, Culture and Sociology, Volgograd State Technical University, 28, Lenin Ave, Volgograd, 400005, Russian Federation

Egor A. Matushkin, graduate student of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of History, Culture and Sociology, Volgograd State Technical University, 28, Lenin Ave, Volgograd, 400005, Russian Federation

Larisa A. Tropkina, director, Lyceum No. 5 named after Yu. A. Gagarin, 17, Mira St., Volgograd, 400005, Russian Federation

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 16.12.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 03.02.2026

Принята к публикации / Accepted for publication 10.03.2026

Научная статья / Article

УДК 378(470):930.25

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-2-155>

Портрет советского архивиста: модели профессиональной подготовки и формирование субъектности в системе архивного образования (1920–1980-е гг.)

Артем Васильевич Понасенко

Луганский государственный педагогический университет,
Луганск, Россия

ponart0202@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9434-7517>

Аннотация. *Формирование профессионального корпуса архивистов в Советской России было ключевым элементом государственной системы управления историческим нарративом. Цель статьи — реконструкция эволюции моделей их подготовки в 1920–1980-е годы и*

анализ влияния на профессиональную субъектность (внутреннюю позицию, ценности, стратегии взаимодействия с идеологическим давлением). Несмотря на наличие работ по истории архивного дела, педагогический аспект формирования этой субъектности, включая личностное измерение и конкретные практики, изучен недостаточно. Методологическую основу составил историко-педагогический анализ, дополненный принципами социологии профессий и элементами исторической антропологии. Использовались критические дискурс-анализ учебных планов и мемуаров, компаративный анализ педагогических моделей и биографический метод. В результате выявлены три доминирующие модели: «идеологический боец» (1920-е — 1930-е гг.), «технократический исполнитель» (конец 1930-х — 1950-е гг.) и «ученый-историк» (1960-е — 1980-е гг.). Формирование субъектности происходило в напряжении между официальным «заказом» на лояльного специалиста и неформальными педагогическими практиками, передававшими установку на научную объективность. Ключевую роль в становлении профессионального «я» играли научные руководители и архивная практика, выступавшие буфером между идеологией и ремеслом. Вклад исследования заключается в развитии истории педагогики через раскрытие специфики подготовки кадров для гуманитарной сферы в СССР. Разработанная типология и анализ механизмов субъектности углубляют понимание взаимосвязи педагогических систем, идеологии и личности в тоталитарном и посттоталитарном обществах.

Ключевые слова: история педагогики, архивное образование, профессиональная подготовка, советский архивист, профессиональная идентичность, субъектность, МГИИИ, идеология в образовании, историко-педагогический анализ, модели подготовки кадров

Для цитирования: Понасенко А. В. Портрет советского архивиста: модели профессиональной подготовки и формирование субъектности в системе архивного образования (1920–1980-е гг.) // Человек. Культура. Образование. 2026. № 2. С. 155–172. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-2-155>

The Portrait of the Soviet Archivist: Models of Professional Training and the Formation of Subjectivity in the Archival Education System (1920s–1980s)

Artem V. Ponasenko

Luhansk State Pedagogical University, Lugansk, Russia
ponart0202@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9434-7517>

Abstract. *The formation of a professional corps of archivists in Soviet Russia was a key element of the state system for managing the historical narrative. The article aims to reconstruct the evolution of their training models in the 1920s–1980s and analyze the impact on professional subjectivity (internal position, values, strategies for interacting with ideological pressure). Despite the existence of works on the history of archival affairs, the pedagogical aspect of forming this subjectivity, including the personal dimension and specific practices, remains understudied. The methodological basis was historical-pedagogical analysis, supplemented by the principles of the sociology of professions and elements of historical anthropology. Critical discourse analysis of curricula and memoirs, comparative analysis of pedagogical models from different periods, and the biographical method were used. As a result, three dominant training models were identified: the “ideological fighter” (1920s–1930s), the “technocratic executor” (late 1930s–1950s), and the “scholar-historian” (1960s–1980s). The formation of subjectivity occurred under the tension between the official “demand” for a loyal specialist and informal pedagogical practices that transmitted attitudes toward scientific objectivity. Key roles in the formation of the professional “self” were played by research supervisors and archival practice, which acted as a buffer between ideology and craft. The contribution of the research lies in developing the history of pedagogy by revealing the specifics of training personnel for the humanities in the USSR. The developed typology of training models and the analysis of the mechanisms of subjectivity deepen the understanding of the relationship between pedagogical systems, ideology, and the individual in totalitarian and post-totalitarian societies.*

Keywords: *history of pedagogy, archival education, professional training, Soviet archivist, professional identity, subjectivity, Moscow State Historical-Archival Institute (MGIAI), ideology in education, historical-pedagogical analysis, models of personnel training*

For citation: Ponassenko A. V. The Portrait of the Soviet Archivist: Models of Professional Training and the Formation of Subjectivity in the Archival Education System (1920s–1980s). *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2026; 2: 155–172. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-2-155>

Введение. Формирование системы архивного образования в СССР было не просто созданием новой профессиональной школы, но и важнейшим инструментом политики памяти, направленным на подготовку кадров, способных обеспечить идеологический контроль над историческим наследием. В условиях, когда архивы стали рассматриваться не как хранилище объ-

ективной информации, а как «арсенал оружия идеологической борьбы», фигура архивиста превратилась в ключевой элемент системы управления историческим знанием. Этот специалист должен был не только обеспечивать физическую сохранность документов, но и осуществлять их селекцию, классификацию и интерпретацию в строгом соответствии с партийными установками. Следовательно, процесс его профессиональной подготовки представляет собой уникальный объект для историко-педагогического исследования, позволяющий раскрыть механизмы индоктринации и формирования профессиональной идентичности в тоталитарном обществе.

Актуальность темы обусловлена интересом педагогики к проблемам формирования профессиональной идентичности под внешним социальным заказом и к историческому опыту построения узкопрофессиональных образовательных систем.

Историографический анализ выявляет три основных подхода и исследовательский пробел. Первый, институционально-административный подход (работы В. И. Вяликова [1], В. В. Макасова [2], И. Л. Маяковского [3], Т. И. Хорхординой [4]), скрупулезно восстанавливает хронологию реформ и деятельность ведомств, но оставляет на периферии педагогическую проблематику и личностное становление архивиста.

Второй, интеллектуально-биографический подход (изучение наследия С. О. Шмидта [5], мемуары), раскрывает внутренние этические коллизии и напряжение между лояльностью и объективностью, но носит камерный характер, не анализируя системно массовую подготовку кадров.

Третий подход, с позиций социологии профессий и истории понятий (исследования И. В. Нарского [6], М. Г. Лазар [7]), предлагает продуктивные концепты («советский этос», «технизм»), но лишь фрагментарно затрагивает специфику архивного дела.

Таким образом, проведенный историографический обзор позволяет констатировать, что, несмотря на наличие солидной базы исследований, выявлен пробел в комплексном историко-педагогическом изучении, которое бы интегрировало институциональный, интеллектуально-биографический и социологический подходы. Существующие работы либо описывают административный каркас системы подготовки, не вдаваясь в ее пе-

дагогическое содержание, либо фокусируются на выдающихся исключениях, оставляя за скобками формирование «рядового» специалиста.

Целью исследования является реконструкция эволюции моделей профессиональной подготовки архивистов в СССР в 1920–1980-е годы и анализ их влияния на формирование профессиональной субъектности. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи:

1. Проанализировать эволюцию целей, содержания и методов архивного образования на разных этапах советской истории.

2. Выявить и охарактеризовать доминирующие педагогические модели подготовки архивиста.

Научная новизна работы заключается в первом системном применении историко-педагогического подхода к изучению архивного образования в СССР, что позволяет перейти от описания институций к анализу процесса конструирования профессиональной личности. Введение в научный оборот концепта «профессиональной субъектности» применительно к советскому архивисту открывает возможность для более глубокого понимания взаимосвязи между государственной идеологией, педагогическими системами и личностными стратегиями в рамках тоталитарного и посттоталитарного общества.

Методы исследования, теоретическая база. Теоретико-методологический фундамент данного исследования образован синтезом трех взаимодополняющих подходов, что позволяет осуществить многоуровневый анализ объекта. Во-первых, это концепции истории педагогики, предоставляющие инструментарий для анализа целей, содержания и методов архивного образования в их исторической динамике и в контексте государственной образовательной политики. Во-вторых, в работу интегрированы подходы социологии профессий, восходящие к идеям Э. Дюркгейма о профессиональной солидарности и развитые в трудах современных исследователей. Этот подход акцентирует внимание на процессах формирования профессиональной идентичности, корпоративной культуры, механизмов закрытия профессионального поля и установления контроля над специфическим знанием, что крайне важно для понимания того, как сообщество советских архивистов конструировало свои грани-

цы и внутренние нормы. В-третьих, исследование опирается на методологию исторической антропологии («история снизу»), которая позволяет через пристальный анализ личных свидетельств, эго-документов и следов повседневных практик реконструировать жизненный опыт, стратегии поведения, адаптации и сопротивления индивидов внутри жестких рамок большой системы.

Для достижения поставленной цели был использован комплекс конкретных методов, адаптированных к специфике историко-педагогического исследования. Историко-структурный анализ был применен для выявления устойчивых моделей подготовки архивистов и прослеживания их трансформации на ключевых этапах советской истории (1920–1930-е, 1940–1950-е, 1960–1980-е гг.), что позволило выделить системообразующие элементы каждой модели. Критический дискурс-анализ был использован для деконструкции текстов учебных программ, методических пособий, учебников и мемуарной литературы. Этот метод позволил выявить не только явные, но и скрытые идеологические установки, властные отношения и категории мышления, заложенные в содержание профессионального образования. Биографический метод, примененный к анализу жизненных и карьерных траекторий ведущих педагогов (С. О. Шмидт, В. В. Максаков) и рядовых выпускников, дал возможность понять неформальные механизмы передачи профессиональных норм, ценностей и «неписаных правил» поведения. Наконец, компаративный анализ педагогических моделей, реализуемых в центральном вузе (МГИАИ) и на периферии (например, в региональных университетах), позволил выявить как общую стратегию, заданную из центра, так и локальные особенности и отклонения в подготовке кадров.

Источниковую базу исследования составил корпус разнообразных материалов, комплексное изучение которых обеспечило репрезентативность полученных данных. В него вошли опубликованные документальные сборники по истории архивного дела, нормативно-распорядительные акты, учебная и методическая литература советского периода.

Результаты исследования. Проведенный анализ позволил выделить три последовательно сменявшие друг друга доминирующие модели подготовки советского архивиста, каждая из

которых соответствовала определенному этапу в развитии советского государства и формировала специфический тип профессиональной субъектности.

1. Модель «идеологического бойца» (1920–1930-е гг.): конструирование идентичности через разрыв и борьбу.

Становление системы архивного образования в ранний советский период характеризовалось формированием принципиально новой модели профессиональной подготовки, которую можно определить как модель «идеологического бойца». В контексте революционных преобразований архивное дело осмысливалось как важнейший участок «идеологического фронта», а подготовка кадров подчинялась задачам построения социалистического государства. Педагогическая модель этого периода была направлена на тотальный разрыв с дореволюционной археографической традицией, олицетворяемой фигурой «архивного старца» — аполитичного ученого-эрудита, ориентированного на ценности научной объективности и сохранения историко-культурного наследия. На смену ему должен был прийти «красный архивист» — политически грамотный и идеологически подкованный специалист, чья главная задача заключалась не в сохранности документального наследия, а в его селекции и «очистке» в соответствии с классовым подходом.

Содержание образования в этот период отражало ярко выраженную идеологическую направленность. Учебные планы Курсов архивоведения, а затем Института архивоведения были насыщены общественно-политическими дисциплинами, среди которых ключевое место занимали история ВКП(б), исторический материализм и ленинизм. Специальные дисциплины, такие как «архивная техника» или «теория и практика архивного дела», подавались исключительно через призму классового подхода. Важнейшим элементом подготовки стало изучение декретов советской власти об архивах, которые трактовались не как административные акты, а как программные манифесты революционного переустройства отрасли. Формировался особый корпус учебной литературы, где теоретические положения архивоведения неразрывно связывались с задачами социалистического строительства и классовой борьбы.

Особое значение в педагогической практике приобрела производственная практика, носившая выраженный идеоло-

гический характер. Студенты активно привлекались к работе в «ликвидационных комиссиях» и участвовали в проведении так называемой «архивной чистки» — экспертизе ценности документов, в ходе которой уничтожались или изымались в спецхраны материалы «контрреволюционного» содержания. Эта деятельность была не просто этапом профессионального обучения, а мощным инструментом формирования профессионального сознания. Через непосредственное участие в уничтожении «чуждого» наследия у будущего архивиста выработывалось особое, инструментальное отношение к документу: он переставал быть объектом беспристрастного изучения, превращаясь в улику или оружие в политической борьбе. Таким образом происходила десакрализация исторического источника и его одновременная ресакрализация в новом, идеологическом ключе.

Процесс формирования профессиональной субъектности в рамках данной модели строился на последовательном противопоставлении «старого» и «нового» архивиста. Субъектность «идеологического бойца» конструировалась через жесткую дихотомию «свой — чужой» и постоянную риторику «бдительности». Архивист начал осмысливать себя не как хранителя исторической памяти, а как стража, фильтр, стоящий на защите «правильной» истории. Его профессиональная компетентность стала отождествляться с политической зрелостью, а карьерный рост — с демонстрацией идеологической надежности. Следует отметить, что такая идентичность носила ярко выраженный конфронтационный характер и оставляла минимальное пространство для профессиональной автономии, основанной на научных критериях. В этих условиях происходило становление особого типа профессионального сознания, где верность политическим установкам преобладала над профессиональной этикой и научной объективностью, что в значительной степени определяло специфику развития архивного дела в последующие десятилетия.

2. Модель «технократического исполнителя» (кон. 1930-х — 1950-е гг.): дисциплина, стандартизация и уход в «технизм».

К концу 1930-х годов в советской архивной системе произошли существенные преобразования, обусловленные завершением наиболее масштабных «чисток» и общей стабилизацией государственного аппарата. Архивы постепенно утрачива-

ли характер «арсенала идеологической борьбы», превращаясь в неотъемлемый элемент бюрократической машины. Это породило устойчивый запрос на принципиально иной тип специалиста — предсказуемого, дисциплинированного и технически компетентного профессионала, способного обеспечить бесперебойное функционирование системы государственного учета и хранения документации.

Содержание образования в этот период претерпело значительные изменения. В Московском государственном историко-архивном институте (МГИАИ), утвердившемся в качестве центральной кузницы кадров, произошел заметный сдвиг в сторону жесткой стандартизации и унификации знаний. На первый план в учебных программах вышли дисциплины технологического цикла: «организация и технология архивного дела», «архивное делопроизводство», «описание документов». При этом идеологическая составляющая не исчезла из учебных планов, но претерпела качественную трансформацию — она была инкорпорирована в профессиональные стандарты, превратившись в неотъемлемый и часто нерелевантный фон. Требование «партийности» трансформировалось в требование безупречного следования инструкциям и директивам, исходящим от партийного руководства, что находило отражение в содержании учебных курсов и методических материалов.

Методы и педагогические практики этого периода характеризовались ярко выраженной ориентацией на дисциплину и единообразие. Педагогический процесс в значительной степени стал напоминать конвейерное производство. Повсеместно применялись детализированные методические указания, единые для всех образцы оформления описей, жестко регламентированные учебные планы. Существенный акцент в обучении сместился с творческих заданий и исследовательских проектов на многократное повторение и отработку стандартных операционных процедур. Лекционная форма передачи знаний стала доминирующей, что объективно минимизировало пространство для дискуссий, критического осмысления материала и проявления академической самостоятельности студентов.

В этих условиях сформировалась специфическая субъектность «технократического исполнителя». Профессиональное «я» архивиста оказалось ограниченным строгими рамками

должностной инструкции и операционных стандартов. Творческое начало и критическое мышление последовательно подавлялись как потенциально дестабилизирующие факторы. Однако именно в рамках этой модели проявилась одна из наиболее продуктивных стратегий выживания профессионального сообщества — так называемый уход в техницизм. Концентрируясь на сугубо технических аспектах работы — совершенствуя методики описания, систематизации, консервации бумаги — архивист обретал ограниченную, но значимую зону профессиональной автономии. В этом «техницизме» формировалась своя система профессиональной гордости и этических ориентиров: безусловное следование инструкции начало трактоваться как высшая форма профессиональной добродетели, представляющая собой альтернативу как откровенному политическому сервилизму, так и академическому творчеству. Таким образом, «уход в техницизм» можно рассматривать как своеобразную форму «внутренней эмиграции» на микроуровне, реализуемую в рамках повседневной профессиональной деятельности и позволяющую сохранять элементы профессионального достоинства в условиях жесткой административной системы.

Важно отметить, что данная модель подготовки при всей ее внешней аполитичности объективно способствовала сохранению и накоплению профессионального знания, создавая основу для последующей трансформации архивного дела в более наукоемкую отрасль. Технократическая ориентация образования этого периода заложила фундамент системности и методической строгости, которые станут характерными чертами советской архивной школы в последующие десятилетия.

3. Модель «ученого-историка» (1960–1980-е гг.): гуманитаризация и поиск ниш для автономии

Период «оттепели» и последующих десятилетий ознаменовался существенной трансформацией системы архивного образования, обусловленной общей гуманитаризацией советской науки и растущим интересом к историческому наследию. В этих условиях подготовка архивиста начала активно сближаться с моделью образования историка-исследователя, что привело к формированию качественно новой профессиональной парадигмы.

Содержание образования в этот период претерпело значительные изменения. Учебные планы МГИАИ и исторических фа-

культетов, осуществлявших подготовку архивистов, были существенно обогащены за счет фундаментальных исторических и источниковедческих дисциплин. Особое значение приобрело преподавание вспомогательных исторических дисциплин — палеографии, дипломатики, геральдики, сфрагистики, что означало осторожное возрождение связи с дореволюционной научной традицией, хотя и в строго дозированном виде. Появились специализированные курсы по источниковедению отдельных исторических периодов, требовавшие от студента не просто технического описания документа, но и его комплексного критического анализа, умения выявлять информационный потенциал и устанавливать достоверность источника. В учебный процесс активно внедрялись новые методические разработки, ориентированные на формирование навыков исследовательской работы с документальными комплексами.

Методы и педагогические практики этого периода характеризовались возрастанием роли неформальных образовательных моделей. Ключевыми агентами влияния стали научные руководители — харизматичные ученые, такие как С. О. Шмидт, А. И. Комиссаренко, В. В. Максаков и другие представители научных школ. Эти педагоги не просто передавали знания, но и культивировали вокруг себя среду «учеников», формируя особый профессиональный этос, основанный на ценностях научной объективности, уважения к источнику, интеллектуальной честности и преемственности научного знания. Значительную роль в подготовке кадров начали играть неформальные педагогические практики: проблемные научные кружки, студенческие конференции, археографические экспедиции, в рамках которых происходило становление будущих специалистов. Именно в этих «нишах» формировалась сложная, многогранная субъектность архивиста поздней советской эпохи.

Процесс формирования профессиональной субъектности в этот период характеризовался возникновением феномена «внутренней эмиграции» как осознанной стратегии профессионального поведения. Архивист научился существовать в двух параллельных реальностях, выработав механизмы адаптации к условиям двойной идентичности. С одной стороны, он оставался советским служащим — составлял идеологически выверенные планы работы, участвовал в политических меропри-

ятях, формально соблюдал все установленные предписания. С другой стороны, в своей непосредственной исследовательской деятельности, в профессиональном общении с коллегами-единомышленниками, в работе с научным руководителем, он выступал как ученый, для которого главными ориентирами оставались научная истина и профессиональная этика. Его субъектность приобрела гибридный, «расколотый» характер, однако именно эта внутренняя дихотомия позволяла сохранять профессиональное достоинство и поддерживать преемственность научной традиции в условиях идеологического давления.

Архивная практика в этот период все чаще заключалась не в «чистках» или технической обработке документов, а в реальной научно-исследовательской работе — выявлении источников, их анализе, подготовке публикаций. Это способствовало укреплению именно ученой, а не идеологической или сугубо технической идентичности архивиста. Примечательно, что в рамках данной модели происходило постепенное стирание жестких границ между собственно архивной работой и академической наукой, что создавало предпосылки для формирования нового типа профессионала — архивиста-исследователя, сочетающего глубокое понимание специфики архивного материала с навыками его комплексного научного анализа. Данная трансформация, несмотря на все ограничения советской системы, заложила основы для дальнейшего развития отечественного архивоведения как полноценной научной дисциплины.

Обсуждение результатов в контексте научной литературы. Проведенное исследование эволюции парадигмы архивного образования позволяет выявить как соответствие общим тенденциям развития профессионального образования в СССР, так и специфические особенности подготовки архивных кадров. Полученные результаты демонстрируют смысловое единство с выводами исследователей, отмечающих этапы трансформации советской высшей школы — от идеологизации 1930-х годов к технократизации послевоенного периода и кризису в позднесоветское время [1–3]. Однако настоящее исследование существенно конкретизирует эти общие тезисы применительно к узкой, но стратегически важной профессиональной корпорации, чья деятельность непосредственно влияла на формирование исторического нарратива и политики памяти.

В отличие от исследований, акцентирующих абсолютное подавление профессиональной автономии в сталинский период [1; 2], представленный анализ показывает, что даже в рамках наиболее репрессивной модели «идеологического бойца» происходило формирование специфической профессиональной субъектности. Хотя эта субъектность и может рассматриваться как ущербная с точки зрения классических научных критериев, ее существование опровергает тезис о полном уничтожении профессионального самосознания. Более того, выявленная в ходе исследования стратегия «ухода в техницизм» наглядно демонстрирует, что профессиональное сообщество находило адаптационные механизмы и способы консервации элементов автономии даже в наиболее неблагоприятных социально-политических условиях.

Полученные данные развивают и углубляют идеи Т. И. Хорхординой о развитии архивного образования [8–10], показывая, что в среде архивистов профессиональный этос приобретал выраженный дуалистический характер. С одной стороны, он включал внешний, «демонстрируемый» конформизм — формальное соблюдение идеологических требований и риторических клише. С другой — сохранял внутреннюю, «тайную» профессиональную солидарность и верность научным идеалам, поддерживаемую через неформальные педагогические сети и институт научного руководства. Этот дуализм особенно ярко проявился в послевоенный период, когда сосуществование официальных и неформальных практик стало организующим принципом профессиональной подготовки.

Сравнение с исследованиями В. Козлова [11], посвященными архивной революцией 1990-х годов, позволяет утверждать, что кризис советской модели архивного образования носил системный характер. Выявленная в настоящем исследовании инерционность образовательных практик объясняет многие трудности, с которыми столкнулись российские архивы в процессе адаптации к новым условиям. Технологическое отставание, консерватизм профессионального сознания, неготовность к работе в условиях открытости — все эти проблемы были унаследованы от советской системы подготовки кадров.

Анализ современных работ Л. Н. Мазур и Т. Ф. Павловой [12; 13] показывает, что процесс формирования новой парадигмы

«цифрового куратора» сталкивается с необходимостью преодоления не только технологических, но и ментальных барьеров, уходящих корнями в советское прошлое. Выявленная в исследовании устойчивость моделей профессионального поведения, сформированных в советский период, объясняет известную противоречивость современных процессов модернизации архивного образования.

Проведенное исследование также позволяет по-новому интерпретировать выводы И. В. Нарского [6] о стратегиях выживания профессиональных сообществ в условиях социальных трансформаций. Специфика архивного дела заключалась в том, что его представители были не просто пассивными объектами идеологического давления, но и активными участниками формирования исторического дискурса, что накладывало особую ответственность и определяло сложность профессионального выбора.

Таким образом, реконструкция эволюции парадигм архивного образования позволяет не только восполнить лакуны в истории профессионального образования в России, но и предложить новые подходы к пониманию механизмов взаимодействия власти и профессиональных сообществ в советский и постсоветский периоды.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что система архивного образования в СССР не была статичным монолитом, а представляла собой динамически развивающуюся структуру. На каждом историческом этапе в ней сохранялись внутренние противоречия и формировались специфические «ниши», позволявшие культивировать профессиональное самосознание, основанное не только на идеологических, но и на собственно научных и корпоративных ценностях. Именно эта внутренняя гибкость системы, ее способность генерировать адаптационные стратегии объясняют, почему, несмотря на системные идеологические деформации, советская архивная школа смогла сохранить значительный интеллектуальный потенциал. Подготовленные в ее рамках кадры не только обеспечивали функционирование архивной системы, но и сыграли ключевую роль в развитии отечественной исторической науки в постсоветский период, осуществив быстрый и качественный переход к международным стандартам научной работы.

Выявленные в исследовании механизмы формирования профессиональной идентичности — от конфронтационной модели «идеологического бойца» через адаптационную стратегию «технократического исполнителя» к сложному дуализму «ученого-историка» — представляют значительный интерес для современной историографии. Они демонстрируют, что даже в условиях тоталитарного государства профессиональные сообщества сохраняли способность к выработке специфических форм субъектности, позволявших поддерживать преемственность научного знания и профессиональных традиций.

Заключение. Проведенное исследование реконструирует процесс формирования профессиональной субъектности советского архивиста. Выявлена эволюция трёх педагогических моделей: «идеологического бойца» (1920–1930-е гг.), «технократического исполнителя» (конец 1930-х — 1950-е гг.) и «ученого-историка» (1960–1980-е гг.). Этот процесс демонстрирует взаимодействие государственного заказа, профессиональной культуры и индивидуальных стратегий адаптации.

Установлено, что архивное образование не было монолитным, а представляло собой динамическое поле взаимодействия идеологического диктата и профессиональной автономии. Даже в репрессивные периоды сохранялись элементы профессиональной культуры через «уход в техницизм» или неформальные педагогические практики. Важным результатом является выявление феномена «расколотой субъектности» позднесоветского архивиста, существовавшего в формальной (идеологической) и неформальной (профессиональной) реальностях.

Перспективные направления исследований включают несколько аспектов. Важен региональный анализ подготовки кадров в республиках и регионах РСФСР. Гендерное измерение предполагает изучение идентичности и карьер женщин-архивистов. Микроисторический подход позволит исследовать повседневность архивов и вузов через конкретные организации и биографии.

Международный контекст требует сравнительного анализа советской модели со странами соцлагеря и Запада, а постсоветская трансформация — изучения преемственности и изменений после 1991 года. Для этого целесообразно применять мето-

ды устной истории (интервью) и цифровые методы (базы данных, дистанционный анализ текстов).

Исследование способствует междисциплинарному диалогу истории педагогики, социологии профессий и советской истории, углубляя понимание формирования профессиональных идентичностей в идеологизированном обществе и сохраняя память о путях развития отечественного архивного дела.

Список источников

1. Вяликов В. И. Архивное строительство в СССР (1917–1945). М.: МГИАИ, 1976. 220 с.
2. Максаков В. В. История и организация архивного дела в СССР (1917–1945 гг.). М.: Наука, 1969. 430 с.
3. Маяковский И. Л. Очерки по истории архивного дела в СССР. М.: МГИАИ, 1960. 338 с.
4. Хорхордина Т. И. Отечественные архивы и мировое архивное сообщество: история сотрудничества // Отечественные архивы. 2020. № 5. С. 3–17.
5. Шмидт С. О. Путь историка: Избранные труды по источниковедению и историографии. М.: РГГУ, 1997. 612 с.
6. Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 613 с.
7. Лазар М. Г. Этнос науки — вектор изменений в конце XX — начале XXI столетия // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2020. № 6 (36). С. 148–157.
8. Хорхордина Т. И. Историко-архивный институт в истории отечественной высшей школы (1930–2020). М.: РГГУ, 2020. 449 с.
9. Хорхордина Т. И. История архивов и архивного дела в России: учебник для вузов. М.: Юрайт, 2022. 626 с.
10. Хорхордина Т. И. История Отечества и архивы: 1917–1980-е гг. М.: РГГУ, 2019. 360 с.
11. Козлов В. Архивная революция в России (1991–1996) // Свободная мысль. 1997. № 1. С. 115–117.
12. Мазур Л. Н. Историко-архивная специальность в Уральском федеральном университете: прошлое, настоящее, будущее // Отечественные архивы. 2023. № 5. С. 38–46.
13. Павлова Т. Ф. Российские архивы на пути к спецхрану (1918–1938 гг.) // Отечественные архивы. 2023. № 4. С. 3–16.

References

1. Vyalikov V. I. *Arkhivnoe stroitel'stvo v SSSR (1917–1945)* [Archival Development in the USSR (1917–1945)]. Moscow: MGIAI, 1976. 220 p. (In Russ.)

2. Maksakov V. V. *Istoriia i organizatsiia arkhivnogo dela v SSSR (1917–1945 gg.)* [History and Organization of Archival Affairs in the USSR (1917–1945)]. Moscow: Nauka Publ., 1969. 430 p. (In Russ.)

3. Mayakovskiy I. L. *Ocherki po istorii arkhivnogo dela v SSSR* [Essays on the History of Archival Affairs in the USSR]. Moscow: MGIAI, 1960. 338 p. (In Russ.).

4. Khorkhorina T. I. *Istoriia Otechestva i arkhivy: 1917–1980-e gg.* [History of the Fatherland and Archives: 1917–1980s]. Moscow: RGGU Publ., 2019. 360 p. (In Russ.)

5. Shmidt S. O. *Put' istorika: Izbrannye trudy po istochnikovedeniiu i istoriografii* [The Path of a Historian: Selected Works on Source Studies and Historiography]. Moscow: RGGU Publ., 1997. 612 p. (In Russ.)

6. Narsky I. V. *Zhizn' v katastrofe: Budni naseleniia Urala v 1917–1922 gg.* [Life in Catastrophe: Everyday Life of the Ural Population in 1917–1922]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2001. 613 p. (In Russ.)

7. Lazar M. G. The Ethos of Science — a Vector of Changes at the End of the 20th — Beginning of the 21st Century. *Problemy deiatel'nosti uchenogo i nauchnykh kollektivov* [Problems of the Scientist and Scientific Collectives' Activity]. 2020. No 6 (36). Pp. 148–157. (In Russ.)

8. Khorkhorina T. I. *Istoriko-arkhivnyi institut v istorii otechestvennoi vysheishkoly (1930–2020)* [Historical-Archival Institute in the History of National Higher Education (1930–2020)]. Moscow: RGGU Publ., 2020. 449 p. (In Russ.)

9. Khorkhorina T. I. *Istoriia arkhivov i arkhivnogo dela v Rossii* [History of Archives and Archival Affairs in Russia]. Moscow: Yurait Publ., 2022. 626 p. (In Russ.)

10. Khorkhorina T. I. National Archives and the World Archival Community: History of Cooperation. *Otechestvennye arkhivy* [Domestic Archives]. 2020. No 5. Pp. 3–17. (In Russ.)

11. Kozlov V. Archival Revolution in Russia (1991–1996). *Svobodnaia mysl'* [Free Thought]. 1997. No 1. Pp. 115–117. (In Russ.)

12. Mazur L. N. Historical-Archival Specialty at Ural Federal University: Past, Present, Future. *Otechestvennye arkhivy* [Domestic Archives]. 2023. No 5. Pp. 38–46. (In Russ.)

13. Pavlova T. F. Russian Archives on the Way to the Special Repository (1918–1938). *Otechestvennye arkhivy* [Domestic Archives]. 2023. No 4. Pp. 3–16. (In Russ.)

Сведения об авторе

Понасенко Артем Васильевич, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой русской и мировой литературы, Луганский государственный педагогический университет (Россия, 291000, ЛНР, Луганск, ул. Оборонная, 2)

Information about authors

Artem V. Ponasenko, Candidate of Philological Sciences, Head of the Department of Russian and World Literature, Luhansk State Pedagogical University (2, Oboronnaya Street, Luhansk, LPR, 291000, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.10.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.12.2025

Принята к публикации / Accepted for publication 28.01.2026

Научная статья / Article

УДК 378.14

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2026-2-172>

**Формирование традиционных семейных ценностей
у подрастающего поколения
как одно из условий улучшения демографической
ситуации в Российской Федерации**

Светлана Дмитриевна Сажина¹,

Олеся Михайловна Смышляева², Ирина Игоревна Гоман³

^{1,2} Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина,

³ Детский дом им. А. А. Католикова для детей-сирот

и детей, оставшихся без попечения родителей

^{1,2} kosp@syktsu.ru, ³ ddsh1@minobr.rkomi.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что длительное время в России показатель рождаемости снижается, а вопросы демографии сохраняют свою актуальность последние десятилетия. Понимая, что демографические проблемы неразрывно связаны с национальной безопасностью страны, сделана попытка связать причины снижения рождаемости на данный момент с проблемой формирования у подрастающего поколения традиционных семейных ценностей. Цель статьи состоит в определении возможных факторов, оказывающих влияние на формирование традиционных семейных ценностей среди молодого поколения как условия снижения демографической ситуации в Российской Федерации. В статье приведен анализ понятий «традиционные российские ценности», «традиционные семейные цен-